

Ревнитель духовного просвещения

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ПРЕОСВЯЩЕННОГО МИХАИЛА (ЛУЗИНА), РЕКТОРА МДА

Утром 20 марта 1887 г., в половине 5-го утра, с башни Воскресенского Собора Курска девять протяжных колокольных ударов возвестили о кончине местного владыки, Преосвященного Михаила (Лузина). Покойному было 56 лет. Четыре года он окормлял паству Курской епархии и, несмотря на непродолжительный срок, оставил о себе здесь добрую память.

Половину жизни Преосвященный Михаил (с 1850 по 1877 гг.) провел в Академии у Троицы. «Охотно ехал я в Московскую Академию, — вспоминал его современник, профессор Санкт-Петербургской Академии А. Л. Катанский, — она выдавалась тогда из рода других наших Духовных академий своей солидной ученостью. О Киевской у нас составилось почему-то представление как о не особенно симпатичной, проникнутой иезуитским духом; о молодой Казанской, как приближающейся к типу Петербургской. Московская обрисовывалась как строго ученое царство Филаретовского закала, своего рода русский Оксфорд, как ее называли иностранцы, посещавшие Россию.¹

В ней витали: дух Филарета, митрополита Московского; громадная ученость, необыкновенная сердечность и отеческая доброта тогдашнего идеального ее ректора, протоиерея Александра Горского; традиции знаменитых профессора-философа протоиерея Феодора Голубинского и патриарха Академической корпорации, составлявшего ее душу, первенца I-го ее курса (I-го магистра I-го выпуска 1814–1818 гг.), протоиерея Петра Делицына.²

В своем «Духовном завещании» владыка Михаил с особенной теплотой вспоминал свою alma mater, где он

провел лучшие годы и употребил на науку лучшие силы.

В «Духовной» он завещал Московской Академии 5 тыс. рублей, также как и Киевской, и часть своей ценной библиотеки.

На эти средства в МДА была учреждена премия его имени в 201 рубль за лучшие печатные труды наставников и воспитанников Академии по Священному Писанию.

ПИТОМЕЦ НИЖЕГОРОДСКОЙ СЕМИНАРИИ

Знаменитый богослов родился в семье причетника (церковного сторожа) села Шавы Нижегородской губернии. Год его рождения точно не установлен — 1829 или 1830 (в Архиве МДА называется первая дата).

Двадцати лет, в 1850 г., он окончил Нижегородскую семинарию. Его школьные годы падают на период ее нового подъема. Историк этой духовной школы А. Тихов отмечает: «Чрезвычайными мерами неусыпного ректора архимандрита Аполлония (Матвеевского; 1842–1851 гг.) семинария была выведена из упадка. Она стала благоустроенной, самой крупной и давала наиболее подготовленных в Казанскую Духовную Академию».³ «Это, — добавляет профессор П. В. Знаменский, — отмечено ревизиями 1852, 1858 гг. из Казанского учебного округа».⁴ «После вступительных экзаменов в Казанскую Академию, — продолжает Тихов, — Нижегородская семинария была признана лучшей в округе. Академия выразила даже особую бла-

¹ А. Л. Катанский. Воспоминания старого профессора // Христианское чтение, 1914, сентябрь. С. 1068.

² Там же. С. 1067.

³ А. Тихов. Краткая памятная историческая записка Н.—Н. семинарии // Н.—Н. Епархиальные ведомости. 1905 г. С. 56.

⁴ П. В. Знаменский. История КДА, вып. I. С. 143.

годарность семинарии за предоставление отличных студентов... Вообще, с конца 40-х гг. Нижегородская семинария дала Казанской Академии очень много выдающихся по своим способностям студентов».¹

Мы добавим — дала не только Казанской, но и столичной Санкт-Петербургской, где образовалась «могучая кучка» Нижегородских богословов:

1. А. Л. Катанский, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор;
2. Федор Герасимович Елеонский, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор;
3. Александр Иванович Садов, ординарный профессор;
4. Петр Иванович Ленарский — ординарный профессор догматического богословия, преемник Катанского.

Профессор Катанский, бывший учеником Духовной Семинарии при архимандрите Аполлонии, вспоминал: «Аполлоний был весьма замечательной личностью, в истории Семинарии составил целую эпоху... По необыкновенным административным способностям, по энергии и умению привести семинарию в блестящее во всех отношениях состояние был личностью вполне редкою, необыкновенною».² В другом месте тот же мемуарист пишет: «...всюду: и в классных комнатах, и в помещениях казенно-коштных воспитанников поражала необыкновенная чистота и порядок, полы были устланы половиками или толстым холстом, даже под партами».³ Даже П. В. Знаменский, называя ректора «самодурным хохлом», признает в нем человека, «сделавшего, впрочем, много доброго для внешнего устройства этой бедной и крайне грязной прежде семинарии»,⁴ когда ректором был болезненный и слабохарактерный архимандрит Иннокентий, уволенный по ревизии в 1842 году. По воспоминаниям Катанского, «среди преподавателей было немало очень даровитых людей. В то время еще не было почти поголовного бегства семинаристов в светские высшие учебные заведения, университеты и т. д.; для лучших учеников семинарии было заветною мечтою попасть именно в Академию, и они шли в Академию, и оттуда назначались учителями в семинарии. Вот почему большинство преподавателей Семинарии того времени были очень хорошими педагогами, добросовестно исполняли свои нелегкие обязанности, несмот-

Архимандрит Михаил (Лузин), ректор МДА, кон XIX в.

ря на крайне скудное жалование. Одним из самых выдающихся преподавателей был иеромонах Макарий (Миролюбов)⁵. Он преподавал в Нижегородской семинарии с 1842 по 1851 гг., как раз когда здесь учился Матвей Лузин — сначала философию, затем патрологию, еврейский язык, а по принятии монашества в 1846 году — богословские предметы.

Особо пристальное внимание в семинарии обращалось на проповедничество и письменные работы, что вполне отвечало духу времени.

Ректор архимандрит Аполлоний издал 8 томов лучших проповедей и письменных сочинений воспитанников. Им был оборудован физический кабинет с 53 физическими приборами на сумму 1039 руб. Под руководством ректора семинаристы собрали образцы почв и составили гербарий из 200 образцов Нижегородской флоры. Для семинарии были приобретены также геодезические инструменты.

⁵ Умер в 1894 г. в сане архиеп. Донского; тринадцатый магистр XIII курса (1842 г.) МДА.

¹ А. Тихов. Указ. соч. С. 57

² А. Л. Катанский. Указ. соч. С. 74.

³ А. Л. Катанский. Указ. соч. С. 349.

⁴ П. В. Знаменский. Указ соч. С. 326 — 327. Знаменский учился здесь в 1850 — 1856 гг.

Планы ректора на будущее были впечатляющими, однако в 1851 году он был уволен Казанской Академией за игнорирование ревизора, который в прошлом был изгнан из Нижегородской семинарии, но успел по принятии монашества в молодой КДА восстановить свою репутацию. Вероятно, властный ректор не поладил и с местным архиереем, Преосвященным Иеремией (Соловьевым), который, по воспоминаниям Катанского, был человеком также «непреклонного характера, проникнутым идеей величия епископской власти».¹

В АКАДЕМИИ «У ТРОИЦЫ»

Окончив Нижегородскую семинарию по первому разряду, Матвей Лузин едет в Москву. Академия представлялась провинциалу храмом науки и он испытывал перед ней не только священный трепет, но и страх, «тревожно размышляя о том, как он будет отдавать отчет в своих знаниях пред собранием учителей его бывших учителей...» «Попав в стены Академии, он чувствовал себя сначала крайне дико и переживал весьма тяжелые дни тревог и сомнений», — вспоминал абитуриент КДА П. В. Знаменский, выпускник Нижегородской семинарии 1856 г.² «Приготовление к приемному экзамену в Академии считалось делом очень серьезным и продолжалось долго...» Начальство в последнем классе даже освобождало кандидатов от некоторых классных занятий, чтобы они «протверживали всевозможные семинарские учебники, читали по разным наукам и другие, более обширные руководства... и подготавливались к новым языкам. Некоторые ретивые и трусливые юноши занимались так рьяно, что расстраивали свое здоровье и, выдержав приемный экзамен, прямо от экзаменационного стола направлялись в Академическую больницу. Почти все новобранцы приезжали в Академию робкими, застенчивыми юношами, боявшимися каждого своего шага, чтобы не проступить в чем-нибудь, готовы были кланяться даже швейцару...»³

Письменные экзамены были действительно весьма строгими и включали все предметы семинаристской программы, а также медицину и сельское хозяйство, которые были введены в 30-х гг.

В 1852 году абитуриенты писали сначала два сочинения-эспромта по Священному Писанию, а затем по

философии на тему: «Справедливо ли мнение древних, что есть душа мира» (последний — на латыни).

В Московской Академии, как уже упоминалось выше, в то время славились особой ученостью два мэтра богословской науки: протоиерей Феодор Голубинский (1791–1854) и протоиерей Петр Делицын († 1863). Первого по праву можно считать основателем академической философской школы. В 1828 году, горя желанием послужить Богу, Голубинский принял священнический сан. И, действительно, духовное звание носил достойно. Обратил много инославных в Православие, рационалистов и вольтерьянцев привел к вере, помогал из своего скудного жалования нуждающимся. Он написал «Взгляд на нравственную философию древних», «Введение в философию и метафизику», и «Онтологию». Вся жизнь его была полна горестями: он пережил тяжелую болезнь невесты, раннюю смерть жены, наконец, заразился холерой и умер в родной Костроме, прожив 56 неполных лет.

Патриархом Академической корпорации был первенец ее I-го курса протоиерей Петр Делицын. Вот что сказал о нем сам о. Михаил (Лузин), встречая в МДА в 1863 году своего земляка Катанского: «Вы приехали в тяжелую для всего нашего академического братства годину. Всего три дня тому назад мы опустили в могилу нашего патриарха, человека, который соединял всех нас воедино. Мы потеряли душу нашей корпорации. Что будет теперь с нами? Не знаю. Думаю, что наступит разделение и прежнего единодушия не будет».⁴

К голосу этих ветеранов академической науки прислушивались и начальствующие. Сам святитель Филарет Московский, нередко обращавшийся к ним по научным и административным вопросам, открыто выказывал им особое расположение. О. Феодор Голубинский, как истый философ, был малоопытен в делах административных (о его рассеянности ходили анекдоты), а о. Петр, как практик, принимал активное участие в жизни Академии. На нем, главным образом, лежало дело издания Творений Святых Отцов; профессора и бакалавры представляли ему свои опыты, а он, как большой знаток греческого языка, капитально переделывал их применительно к языку и смыслу Священного Писания.

Академист Е. Е. Голубинский вспоминал: «Как ни придешь, бывало, к Делицыну, он сидит в кабинете на своем страшно просиженном диване и поправляет переводы. В переводах иных наставников он не оставлял живого слова.»⁵ А преподавал он в Академии математи-

¹ А. Л. Катанский. Указ. соч. С. 71.

² П. В. Знаменский. Указ. соч., вып. III. С. 132.

³ Там же.

⁴ А. Л. Катанский. Указ. соч.

⁵ Е. Е. Голубинский. Воспоминания. Кострома, 1923. С. 135.

ку и носил, между прочим, арифметическую фамилию. «Знатока математики и отлично преподававшего, между прочим, слушали только два студента», — вспоминал другой мемуарист.

Как человек, Делицын был великий хлебосол, и квартира его постоянно была открыта для всех, желающих провести вечер, поиграть в карты, к которым он сам имел склонность», — добавляет Е. Е. Голубинский.¹

Одним из почетнейших профессоров МДА был Егор Васильевич Амфитеатров, племянник Киевского митрополита Филарета. Студенты слушали его с жадностью, ибо он обладал завидной дикцией, читал лекции неспешно, внушительно и с расстановкой. Как выражался Е. Голубинский, он имел «большую силу по начальству» после смерти Делицына.

По предмету Священного Писания читал архимандрит Феодор (Бухарев), известный толкователь Апокалипсиса, который он изъяснял в духе своего времени, то есть 60-х годов. Известно его сочинение «Об отношении Православия к современности». За «Апокалипсис» он пострадал; будучи переведен в 1854 г. инспектором в КДА, по воспоминаниям современников, имел большое влияние на молодежь.

Гражданскую историю читали авторитетные ученые Петр Семенович Казанский и Сергей Константинович Смирнов. Церковную историю читал о. Александр Горский, знаменитый исследователь святоотеческих творений и древних рукописей Синодальной библиотеки, основатель Московской церковно-исторической школы.

Такова была профессорская корпорация «Русского Оксфорда» в те годы, когда здесь учился будущий ученый, профессор архимандрит Михаил.

Академию он окончил третьим магистром XIX курса в 1854 г. В 1855 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «О Крещении через погружение и обливание», которая была опубликована в Академическом журнале «Прибавления...» (1855 г., часть 14).

Еще студентом на IV-м курсе он принял монашество, в том же году был посвящен в иеромонаха, а по окончании Академии оставлен бакалавром по кафедре Священного Писания Нового Завета.

ПЕРВЫЙ ДОКТОРСКИЙ ДИСПУТ

Молодой преподаватель сразу привлек внимание студенческой молодежи. Е. Голубинский, поступивший в Академию в 1854 г., вспоминал: «Он читал нам весьма интересные лекции о Бауре и

Штраусе, то есть опровергал отрицательную критику Евангелия и, в частности, появившегося сочинения Ренана «Жизнь Иисуса» (наделавшего большой шум у нас и за границей по увлекательности изложения — В. Ю.).

При этом он и чтец был прекрасный, так что его лекции справедливо могут быть названы выдающимися. Поэтому его слушали с большим вниманием, чем кого-либо».²

Это тем более замечательно, что студенты, занятые письменными сочинениями, по которым определялось их место в списке успеваемости, почти не слушали профессоров, если вообще удостоивали их своим посещением. Катанский писал: «Мои слушатели заметили мое усердие и даже однажды поручили одному из товарищей сказать мне: «Зачем Вы так усердно занимаетесь составлением лекций, они у нас мало посещаются и ценятся. Ведь если бы ангел пришел к нам с неба и начал читать нам лекции, на первых порах мы бы, конечно, его послушали, сказали бы, что его лекции прекрасны, а потом все-таки перестали бы ходить к нему».³

О. Михаил прививал студентам любовь к научному чтению, к учебной работе, приучал разбираться в критической проблематике. «Это был искренний ревнитель духовного просвещения, и этот благородный пафос он умел передать своим ученикам»,⁴ — замечает о. Георгий Флоровский.

О. Михаил быстро делает ученую и административную карьеру: в 1855 году он — экстраординарный профессор, в 1860 году — архимандрит, в 1861 году — инспектор Академии, в 1863 году — ординарный профессор.

В конце 60-х годов была проведена радикальная реформа духовного образования. По новому Академическому Уставу 1869 года ученые степени должны были защищаться публично по напечатанным заранее трудам. Устав требовал, чтобы в звание ординарного профессора избирались только те, кто защитил докторскую степень. В соответствии с этим требованием, было предписано всем имеющим уже звание ординарного профессора в трехлетний срок озаботиться написанием докторской работы.

По этой причине некоторые профессора (Е. В. Амфитеатров и прот. Ф. А. Сергиевский) были вынуждены покинуть Академию. Остальные профессора, так сказать, «остепенились». Среди них был и о. Михаил, кото-

² Е. Голубинский. Указ. соч. С. 28–29.

³ А. Л. Катанский. Указ. соч. Ч. IX. С. 1087.

⁴ Георгий Флоровский. протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 355.

¹ Там же, с. 26.

рый представил на соискание докторской степени опубликованное им ранее сочинение «О Евангелиях и Евангельской истории» (по поводу книги Ренана «Жизнь Иисуса»). Его защита 9 декабря 1871 года была первым докторским диспутом в МДА, к которому был проявлен высокий общественный и научный интерес. В тихую «деревенскую» Академию прибыли митрополиты Московский Иннокентий и Киевский Арсений, известные ученые и общественные деятели: Гиляров-Платонов, Н. П. Аксаков и другие. Защита была блестящей. Соискатель отвечал и держался уверенно и даже с величавым достоинством. Он полностью завладел симпатиями многочисленной аудитории. Современник вспоминал: «Дав в этой речи меткую характеристику книги Ренана, о. Михаил с особенным ударением указывал на то фальшивое положение, в каком находится русский богослов-апологет, когда разбираемые им произведения отрицательной критики Евангелий стоят у нас под запретом, не допускаются к переводу, или в переводах заграничных лишь тайком ходят по рукам читателей, еще сильнее привлекая к себе внимание, как запрещенный плод... Он продолжал: «Нам нужно более полное и тщательное изучение Западной богословской науки во всех ее направлениях, а для этого нужно более, чем прежде, свободы и простору в этом отношении», — так требовал диссертант в духе 60-х годов. Эти горячие призывы о. Михаила были встречены громом аплодисментов, и весь зал единодушно устроил ему шумную овацию».¹

Прения велись серьезно и произвели хорошее впечатление. По окончании диспута ректор, собрав голоса членов Совета, объявил, что архимандрит Михаил признается достойным степени доктора богословия, а 13 января 1872 года Синод утвердил его в присужденной степени.

Так о. Михаил стал первым доктором богословия в МДА. Его ученая звезда находилась в зените. Вот что писал тот же студент Академии (1870–1874 гг.): «Большой знаток своей специальности, он предлагал нам интересные лекции из нескольких отделов исагогики и экзегетики, по многим отдельным вопросам он в широкой степени знакомил нас с новейшими взглядами Западноевропейской богословской науки, давая им основательный практический разбор. Произносил свои лекции громко, ясно, отчетливо, выразительно; мастерскими ораторскими приемами, придавая речи все желательные оттенки выражения. Если в чем можно было упрекнуть его, как оратора, то только в некотором мно-

гословии»², за что он получил от студентов незлое прозвище «водолей». Но это прозвище несколько не свидетельствовало о том, что он был плохой профессор. Вероятно, это был сознательный педагогический прием, ибо в своих книгах он не повторялся.

В 70-х годах профессора разделились на так называемых «симонистов» и «антисимонистов» (т. е. на сторонников и противников профессора Петра Симоновича Казанского). Жертвой этой распри стал о. Михаил. Он принадлежал к «антисимонистам». Уже на докторском диспуте о. Михаила против него выступил племянник П. С. Казанского, профессор Павел Иванович Горский, с язвительными и резкими замечаниями. Эти выпады в известной мере не имели непосредственного отношения к интересам науки, а были связаны с известной историей по поводу выборов на кафедру дяди оппонента профессора П. С. Казанского.

В «Православном обозрении» (февраль, апрель 1873 г.) тот же П. Горский обвинял о. Михаила, бывшего тогда в зените своей ученой славы, в заимствованиях из разных немецких авторов, а также в грубых ошибках при их переводе. И о. Михаил у студентов из «водолея» превратился в «знаменитого раввина Рабба».

Конечно, он «не был таким языковедом, как его оппонент, но умственный и научный горизонты его были несравненно шире, чем у оппонента. Недостатки о. Михаила были слишком преувеличены и раздуты»³, — свидетельствует знаменитый библиист, профессор М. Муретов. «Наш курс любил о. Михаила и уважал, называя его ласкательными «Мишель, Миша, Мишук»⁴, писал слушатель ХХХII курса (1873–1877 гг.).

Теперь обратимся к административной работе о. Михаила. Около 10 лет (1861–1870 гг.) он был инспектором Академии. В эти годы широко обсуждались проблемы преобразования Духовной школы. В 1866 году создан был новый комитет для разработки школьного Устава, формально под председательством Киевского митрополита Арсения. Обычно же председательствовал Нижегородский епископ Нектарий, бывший ректор Санкт-Петербургской Академии, а также большое участие принимали два архимандрита, члены этого Комитета — о. Михаил (от Московской Духовной Академии) и Филарет (Филаретов) — ректор Киевской Духовной Академии. На заседаниях комитета был вновь выдвинут отвергнутый прежде проект архиепископа Димитрия (Муретова) о разделении Семинарии на общеобразовательную духовную гимназию и трехгодич-

² Там же. Ч. II. С. 268.

³ М. Муретов. Годы студенчества // Богословский вестник, 1915, октябрь. С. 754.

⁴ У Троицы в Академии (1814–1914 гг.). М., 1914.

¹ Соколов. Годы студенчества // Богословский вестник, 1916 (5). С. 25–27.

ные богословско-пастырские курсы (несловные) закрытого полумонашеского типа.

Во время обсуждений «своим «особым мнением» о. Михаил вызвал недовольство всесильного обер-прокурора Д. А. Толстого, который освободил его от должности инспектора»¹, пишет архиепископ Николай (Зиоров).

Но, несмотря на это, когда в 1875 году скончался «папаша», как любовно называли академисты ректора о. Александра Горского, Синод назначил его преемником строгого инока, известного писателя, доктора богословия о. Михаила, несомненно, имевшего все права занять это почетное место.

ОН СОБИРАЛСЯ БЫТЬ ВЫДАЮЩИМСЯ РЕКТОРОМ...

О б о. Михаиле, как о ректоре, сохранилось неоднозначное мнение. К примеру, некий «студент 70-х годов» (как подписано в сборнике «У Троицы в Академии» это воспоминание) дает его личности и учености невысокую оценку. «Он не был человек ни прямого, ни сильного характера, ни деятельного, сделал две-три попытки ввести некоторые поправки в уставленный режим студенческой жизни, но и они оставались бесплодными; мы, студенты, почти не видели своего ректора и не могли проникнуться к нему сыновним уважением. Мы его не знали. А он ничего не предпринимал со своей стороны, чтобы поближе познакомиться с нами... Чаше всего мы видели Михаила на прогулке в Академическом саду: он имел обычай совершать двухчасовые моционы по длинной аллее сада... Как теперь, вижу его полную фигуру в клобуке и черной рясе, мерно, не торопясь, шагающего взад и вперед, с прихрамыванием на правую ногу (кажется, вследствие подагры)».²

Противное этому мнение также принадлежит студенту 70-х гг., М. Муретову: «Как профессор и потом как ректор, он был необыкновенно внимателен, приветлив и снисходителен. Мой номер находился на III–IV курсах под его квартирою. В начале месяца нам выдавалось по три рубля на чай, сахар и булку. Часть шла обычно на веселье. После ужина пели, иные, надрывая животы, старались кричать благим матом. Однажды, Михаил, раздраженный оранием и топотом студентов, заметил: «И что это у вас за козлогласие и горлодрание.

Особенно один кто-то: винтом-винтом так и завинчивает, всю душеньку вымотает. Ну, можно попеть после ужина, но уж не так свирепо. Можно и повеселиться сообща, хорошо встряхнуться, освежиться. Но не более раза в месяц. А то уж будет не выпивка, а пьянство».³ У самого о. Михаила в юности была история, и потому он, вероятно, и был так снисходителен к студенческой слабости.

Нам кажется, что за те два года, которые о. Михаил провел в кресле ректора, он просто не успел проявить себя, как администратор. Е. Е. Голубинский, в то время экстраординарный профессор, пишет: «Михаил собирался было быть выдающимся, хорошим ректором. Он решил было обуздать студентов от пьянства и бездельничанья и возвратить их к скромной, приличной и достаточно трудовой жизни... Он начал употреблять меры строгости по отношению к безобразиям. В числе временно исключенных им за пьянство был известный в настоящее время профессор богословия Харьковского Университета протоиерей Т. Буткевич. К сожалению, Михаил скоро переведен был по неизвестной мне причине в ректора Киевской Академии».⁴

В течение пяти лет (1878–1883 гг.) он был ректором КДА в сане викарного епископа Уманского. Здесь в 1879 г., к 25-летию профессорско-преподавательской деятельности, он получил звание заслуженного ординарного профессора. Тогда ему было только 50 лет.

А четыре последние года (с 19-го марта 1883 по 20-е марта 1887) Преосвященный Михаил был правящим архиереем в Курске. С основания Курской епархии здесь не было такого ученого владыки. Заветной мечтой его было закончить и издать полное толкование Нового Завета, после чего, по его словам, он мог бы умереть спокойно. Преосвященному, как истому труженику науки, нелегко было воздерживаться от работы над сочинением, сделавшимся для него целью жизни.

Неустанный труд и заботы по управлению епархией подточили здоровье владыки. Он скончался в расцвете своих духовных и творческих сил.

К сожалению, его мечтам об издании толкования на Новый Завет не суждено было осуществиться в полном объеме. Но до сих пор его «Толковое Евангелие» и «Толковый Апостол» остаются одними из лучших образцов русской экзегетики. Эти труды стали классикой богословской науки и увековечили имя создателя среди последующих поколений читающих и изучающих Новый Завет.

¹ Николай (Зиоров). *Архиепископ. Мои воспоминания о МДА*. Варшава, 1914. С. 7.

² У Троицы в Академии. С. 175.

³ М. Муретов. Указ соч., окт. С. 156.

⁴ Е. Е. Голубинский. Указ. соч. С. 42.